

УДК 1 (091)

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-6

Кучерова А. О.

Метафора в опыте философии истории Ханны Арендт и Вальтера Бенямина

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85; г. Белгород, 308015, Российская Федерация; *kucherovaa094@gmail.com*

Аннотация. В статье предпринимается попытка проследить влияние, оказанное В. Бенямином на Ханну Арендт в области, до этого мало занимавшей исследователей их интеллектуального наследия. Речь идет о поэтическом мышлении, в частности, о метафоре и ее функции «перенесения». Автор утверждает, что метафорическое мышления Бенямина в вопросах, касающихся истории, традиции и памяти, наложило отпечаток на философию Ханны Арендт, на ее теорию действия и суждения. Показано, что влияние оказалось комплексным: Бенямин не только обозначил проблему – руинизированность истории, разрыв традиции – но также предоставил действенный инструмент ее исследования, метафору «ткани». Именно ее, вслед за своим старшим другом, Арендт будет активно использовать в ряде крупных работ при формулировании важнейших категорий собственной практической философии.

Ключевые слова: Х. Арендт; В. Бенямин; философия истории; метафора; storytelling; история

Для цитирования: Кучерова А.О. Метафора в опыте философии истории Ханны Арендт и Вальтера Бенямина // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 51-61. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-6

A. O. Kucherova

Metaphor in Hannah Arendt and Walter Benjamin's Experience of Philosophy of History

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; *kucherovaa094@gmail.com*

Abstract. The article attempts to trace the influence of W. Benjamin on Hannah Arendt regarding the essence of metaphor and its function of "transferring". This is an area of study of little interest to researchers of their intellectual heritage. The author argues that Benjamin's metaphorical thinking about history, tradition and memory has left a mark on Hannah Arendt's philosophy, in particular her theory of action and judgment. The author showed that the influence exerted by Benjamin was complex. He not only identified the problem – the ruin of history, the rupture of tradition, but also provided an effective instrument – a metaphor, moreover, a concrete metaphor of "the cloth". It is her, following her older friend, Arendt will actively use in a number of major works to formulate the most important categories of his own practical philosophy.

Keywords: H. Arendt; W. Benjamin; philosophy of history; metaphor; storytelling; history

For citation: Kucherova A. O. (2021), “Metaphor in Hannah Arendt and Walter Benjamin's Experience of Philosophy of History”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (3), 51-61, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-6

В современном арендтоведении можно считать своеобразным трюизмом замечание о влиянии исторических штудий Вальтера Беньямина на размышления Ханны Арентд (см.: Honahan, 1990; d'Entrèves, 1994; Hinchman (ed.), 1994; Herzog, 2000; Бейнер, 2012; Kieslich, 2013; и др.). В первые десятилетия XX века В. Беньямин обратил внимание Х. Арентд на проблему разрывности исторического понимания; решение этой проблемы, согласно обоим, становится возможным в форме «фрагментарной историографии» – «только... фрагментированное письмо, в формате “историй”, может быть верным» (Herzog 2000: 3; ср.: Hannah Arendt, 1994: 126). В тени этого трюизма остается особый язык фрагментированного исторического письма, герменевтическая пластика беньяминовских нарративов. Ключевой элемент этой познавательной пластики – когнитивные метафоры, при помощи которых В. Беньямин оформляет в рамках своей философии истории такие концепты как «память», «прошлое», «рассказчик» и др.

Известно, что Х. Арентд, считавшая работу «О понятии истории» наиболее выдающимся творением Беньямина, восприняла и переработала ряд ее тезисов в своей теории суждения. Арентдовские проекции способности суждения, согласно Р. Бэйнеру, имеют одним из своих источников последнюю, неоконченную работу В. Беньямина «Тезисы о философии истории» (Beiner, 2012: 15)¹. Однако не менее

значимо и то, что Х. Арентд, вослед В. Беньямину, усматривала *действенный способ исторической репрезентации мира и его познания в когнитивной метафоре*. Можно предполагать, что для В. Беньямина и Х. Арентд когнитивная метафора не является предметом сугубо аналитического интереса – эпистемологической рефлексии исторического нарратива, подобно метонимии или иронии (Уайт, 2002: 528); или его трансцендентальных оснований, критики кантовского трансцендентализма, чьим синонимом, по мнению Ф.Р. Анкерсмита, является метафора (Анкерсмит, 2003). В случае Беньямина и Арентд дело вообще не идет о работе с исторической поэтикой (Бенн, 2011: 304) – актуальным для обоих оказывается конкретно-умозрительный подход в философии истории, отображение фрагментов исторической реальности с некоторой *иносказательной интенциональностью*, или, иначе, метафорика речевого участия в истории *hic et nunc*.

Диалогический отклик

Интеллектуальное сближение В. Беньямина и Х. Арентд произошло в познавательно напряженной атмосфере парижской эмиграции 1930-х гг. Прежде Арентд была знакома с Беньямином лишь заочно, через своего первого мужа Гюнтера Штерна, находившегося в родстве с философом. В письме к Вальтеру Беньямину (май 1935 года) его друг Гершом Шолем пишет: «Я видел жену твоего двоюродного брата – Ханну Штерн, которая сейчас в Париже... но у меня не сложилось впечатления, что она могла бы быть в тесном контакте с тобой, иначе она, вероятно, передала бы привет, и поэтому я воздержался от вопросов о тебе» (The correspondence

¹ В 1939 году (время написания «Тезисов») Арентд отмечает, что мысль В. Беньямина стала яснее и четче: «Мне часто кажется, что он только теперь вплотную подошел к своим главным вещам. Было бы отвратительно, если бы он встретил здесь помехи» (Knott, 2017: 3).

..., 1989: 168). Их первая встреча vis-à-vis, давшая начало непродолжительной, но крепкой дружбе, произошла в Париже в апреле 1939 года. «Здесь, в Париже, – напишет Бенямин Шолему, – я встретил полезную партию в лице Ханны Арендт» (The correspondence ..., 1994: 601). Особое состояние близости, отзывчивости, свойственное, впрочем, многим эмигрантам, оказавшимся поневоле в Париже, весьма способствовало тому, что Арендт и Бенямин в короткое время нашли друг в друге достойных и необходимых собеседников².

После смерти друга в распоряжении Х. Арендт оказался вариант рукописи «О понятии истории». В этой небольшой и насыщенной смыслами, нередко принимающей вид сложных метафор работе – беняминовские итоги их совместных бесед; впрочем, для самой Арендт – скорее реликварий, хранящий частицу «последнего европейца» (Arendt, 1968: 46). Переехав в США, она стремилась познакомить местного читателя не только с философами масштаба К. Ясперса и М. Хайдеггера, но и открыть им имя В. Бенямина. В августе 1941 г. она столкнулась с нежеланием Института социальных исследований публиковать последнюю работу их общего друга, и ее возмущению не было предела: «Им не объяснишь, что такое верность ушедшим друзьям», – говорила Арендт (Arendt, Blücher, 1996: 128). Она взяла в свои руки публикацию нескольких важных, на ее взгляд, трудов друга. Сборник, получивший название «Озарения», был снабжен ее

² Дружба, к слову, – аксиологический рефрен, часто звучавший в работах и переписке Х. Арендт. Описывая «людей в темные времена» – интеллектуалов, на чью долю выпали катастрофы середины XX века, Арендт с некоторой афористической отчетливостью замечает: «...наш общий долг – построить дом в этом мире и обосноваться на земле как дома – благодаря дружбе (Арендт, 2003: 300). Находясь, как и В. Бенямин, в положении «вестников беды» (эмигрантов и апатридов), Арендт указывает на долг взаимного нравственного сочувствия интеллектуалов, незаменимых друг для друга в той пограничной ситуации парижского выживания.

вводной статьей, в которой освещались те стороны философии истории Бенямина, которые Арендт считала выдающимися. Среди них особое внимание было уделено «метафорическому мышлению».

Познавательные смыслы метафоры

Метафора и ее философско-познавательный потенциал оказались в поле зрения Х. Арендт задолго до знакомства с В. Бенямином. Вослед К. Ясперсу и М. Хайдеггеру, своим учителям, восставшим против позитивистского академизма, она отказалась от апологии классических философских построений, основанных на классификациях и систематизациях, и – уже вполне самостоятельно – увлеклась поэтико-метафорическими описаниями Ф. Ницше. Затем, в процессе работы над диссертацией, Арендт вникла в особенности метафорического мышления Августина Блаженного, сочла весьма продуктивной его метафору натальности, развив ее в своих позднейших сочинениях. В. Бенямин, работая с текстами Ф. Кафки, Ш. Бодлера, М. Пруста, формировал метафорические представления – истории в виде изумленного ее ангела, исторического материализма в виде механического автомата, или теологии в образе горбатого, головастого карлика, – закрепляя с помощью метафор исторические структуры социального самосознания в качестве специфических ее артефактов и концентрированных символов. Х. Арендт была буквально свидетельницей рождения социально-метафорических иносказаний Бенямина, и оба они свидетельствовали об исторической разрывности мысли, слова и дела в беспрецедентных социально-политических движениях XX в.

Х. Арендт исследовала операции семантического «переноса» В. Бенямина, начиная с его ранних произведений. При оцифровке личной библиотеки Арендт обнаружилось первое издание знаменитого беняминовского «Происхождения немецкой барочной драмы» (1928 г.), которое пестрит пометками в тексте и на полях в

тех местах, где речь идет об аллегории (релевантной, в данном случае, метафоре), которая обеспечивает возможность «переноса» невыразимого предметного единства чувственного и сверхчувственного в индизобразительный план (ср.: Benjamin, 1928: 157). Позже Арендт уточнит: «метафора устанавливает связь, непосредственно воспринимаемую чувствами и не требующую интерпретации, аллегория же всегда идет от абстрактного понятия и затем подыскивает нечто осязаемое, которое будет, причем скорее всего – произвольно, его представлять...» (Arendt, 1968: 45). Аллегория – загадка, художественный трюк, метафора же – это один из инструментов познания³.

В лекциях по политической философии И. Канта, прочитанных Х. Арендт в Чикагском университете (1964 г.), содержатся размышления о метафоре, рассматриваемой сквозь оптику великого кёнигсбержца. Если мир явлений есть дом для существа, наделенного мыслью с соответствующим концептуальным языком, не значит ли это, что мир нуждается в метафорах, «для того чтобы перебросить мостик между миром чувственного опыта и царством, где подобное непосредственное схватывание данных невозможно» (Арендт, 2011: 38)? При внимательном чтении «Критики способности суждения» можно заметить, что проблема воображения неразрывно связана у Канта с метафорой: представление, делающее наличным то, что актуально отсутствует, есть уникальный дар ума, и поскольку *вся наша ментальная терминология основывается на метафорах, заимствованных из опыта зрения*, этот дар называется воображением (см.: Кант, 1994: 373). Х. Арендт предпо-

³ В «Коллекционере», написанном в период 1927-1940 гг., В. Беньямин противопоставляет коллекционера аллегористу. Коллекционер имеет своей целью единение вещей, тем самым ему, «быть может, удастся разъяснить вещи через их родственные связи...» (Беньямин, 2018: 88). Работа коллекционера, согласно В. Беньямину, подобна работе метафоры: он устанавливает соответствия. Эту мысль сохраняет и уточняет Х. Арендт.

лагала исследовать мысль Канта об «аналогии» (метафоре), начиная с его ранних работ и заканчивая «Opus Postumum»; проекту не суждено было осуществиться, но большая заинтересованность Арендт в философии Канта, спасшего «спекулятивное мышление от его... нереальности», очевидна.

«Всякая мысль по своей сути метафорична и всякое философское понятие обязано своей очевидностью тому метафорическому содержанию, которое оно как бы в сокращении выражает» (Арендт, 2013: 150). Эту мысль она подкрепляет ссылками на категории, которыми мы обязаны древним грекам, а они, в свою очередь, метафоре. Тут и Платон с его «идеями», «душой», и Аристотель с «категорией» и «энергией». Арендт лишает философов лавров открытия этого изначально поэтического инструмента. Ведь никто иной как Гомер обучил мыслителей мастерству обращения с «переносами». Говоря о метафизике и метафоре в качестве ее предпосылки, Х. Арендт обращает свое внимание на двух современников – М. Хайдеггера и В. Беньямина. Мы сосредоточили свое внимание лишь на фигуре Беньямина.

В. Беньямин использовал метафору как один из главных инструментов своей художественной критики, анализа культуры и истории. Арендт, как беньяминовский ловец жемчуга, собирала его рассыпанные по текстам размышления о метафоре. Резюме этой операции можно обнаружить в вышедшем в 1968 году ее эссе «Вальтер Беньямин 1892–1940», основу которого составила прочитанная ею во Фрайбурге лекция. Весь очерк она разделила на три части, последняя из которых была названа «Ловец жемчуга». Глава эта отведена беньяминовскому методу «исторического бурения» и особой функции метафоры, которой он придавал «гностическую» роль. Критическое замечание Т. Адорно относительно «метафорических суждений» В. Беньямина могло послужить вызовом для Х. Арендт в отстаивании ценности такого метода в философском арсенале

a priori, однако, безусловно, помимо этой основанной на аффектах интенции, существовала и другая ощутимая ценность для нее взглядов В. Беньямина. В данном случае – на метафору как важный концептуальный элемент ее собственных исследований.

Метафора, по мысли Х. Арендт и В. Беньямина, – величайший из даров, которыми язык мог бы наделить мышление и следом за ним философию. Арендт импонирует внимание, которое уделял В. Беньямин феноменам в противоположность идеям. Этим же объясняется его выбор данного тропа (в его исконном смысле «переносить») в качестве одной из форм познания. Так слова и понятия из области надстройки он сводит к чувственному базису, делая их явными для опыта: «метафора устанавливает связь, непосредственно воспринимаемую чувствами и не требующую интерпретации», в отличие от той же аллегии (Arendt, 1968: 13). Именно эта способность устанавливать соответствия, используя метафоры, по мысли Х. Арендт, ставит В. Беньямина в один ряд с Гомером. Обоих роднит поэтичность мысли. Отцом философии был для В. Беньямина даритель имен Адам, а не Платон. Адам, проникнув в самые потаенные связи природы, сопоставил предельно отдаленные вещи с помощью дара речи и виртуозного выражения. Он был первым творцом метафор, «смысл которых во взаимном влечении всех сотворенных вещей друг к другу в силу их общего происхождения» (Беньямин, 2018: 85). И для Арендт, и для Беньямина метафора есть действенный способ вернуть утерянное единство мира.

В своей последней работе «Жизнь ума» (1975–1978) Арендт подводит черту в своих размышлениях о метафоре и ее назначении⁴. «Совершенно явно заимствующие из телесных данных и наблюдений», они служат нам на бытовом и поэти-

ческом уровнях, когда локализируют внутри нас психическую жизнь (Арендт, 2013: 37). В то же время их роль концептуального языка философии столь же очевидна – они имеют целью проявлять жизнь ума. Речь и мышление, имеющие единый источник, предполагают, что у языка есть инструмент способный трансформировать невидимое в явление. Этот инструмент – метафора, которой под силу снять оппозицию чувственный/идеальный мир. В подтверждение тому Х. Арендт приводит близкое ей самой определение, некогда данное И. Кантом. «Метафора, – пишет она, – создает "абстракцию", без-образную мысль вместе с созерцанием, полученным из мира явлений, чья функция состоит в том, чтобы "доказать реальность наших понятий" и таким образом как бы снять отвлечение от мира явлений, составляющее предпосылку умственной деятельности» (Арендт, 2013: 105). В «Жизни ума» Арендт заключает, что мысль и язык, находящиеся в неразрывной связи, имеют единое основание – метафору. Тем самым она вслед за Беньямином признает ее познавательную ценность.

«Ткань»: опыт, текст, история

Арендт восприняла от Беньямина страсть к метафорическим терминам, некоторые из которых она переняла у него для исследований общей для обоих темы публичного пространства, залогом создания которого может стать рассказывание историй. Речь идет о метафоре «ткань», встречающейся в ряде работ как одного («К портрету Пруста», «Рассказчик», «Эдуард Фукс: коллекционер и историк»), так и другого мыслителя («Vita activa, или О деятельной жизни», «Люди в темные времена»).

Впервые данную метафору Беньямин использует в тексте 1929 года о М. Прусте, чьи взгляды и творческая самобытность были очень близки мыслителю. В центре внимания его эссе особенность прустовского изложения истории жизни. Отмечается характерная черта фабулы романиста, состоящая не в описании произошедшего,

⁴ См. два параграфа: «Язык и метафора» и «Метафора и невыразимое» последней главы «Мышление» в «Жизни ума».

«а в процессе того, как возникает *ткань* его воспоминаний, труд Пенелопы над тем, что сохранено памятью» (Беньямин, 2004: 244). Ткань воспоминаний появляется как результат работы памяти – ткацкого станка и основы – забвения. Распускаясь под воздействием целенаправленных поступков актора, забвение раскрывает ранее сокрытое воспоминание. Каких целенаправленных поступков? Вспомним знаменитый момент с «мадленками», которые стали катализатором детских воспоминаний героя «В поисках утраченного времени». «Тканью», замечает В. Беньямин, еще древние римляне называли текст. Воспоминание направляет нити, составляющие его (текста) узор. «Более огромной и плотной ткани» (текста-воспоминания) не было ни у одного другого писателя: гранки возвращались Прустом в редакцию, заполненные текстом меж уже написанных строк, но без каких-либо исправлений. По мысли В. Беньямина, это свидетельствует о том, что пережитое событие конечно, в противоположность вечному припоминанию (отсюда и выбор персонажа Пенелопы, чей труд – аллегория бесконечности какого-либо действия), которое он в духе психоанализа рассматривал как ключ к тому, что уже произошло и чему еще предстоит случиться. Единство текста, «ткани», «является *actus rigus*⁵ воспоминания как такового» (Беньямин, 2019: 101). Мнемозина равно богиня памяти (воспоминание) и муза эпической поэзии (роман и рассказ).

Логическим продолжением данных рассуждений является вышедшая в 1936 году статья философа о Николае Лескове. Эта ода рассказчику, носителю утраченного в индустриально-информационную эпоху эпического дара. Произведения русского писателя стали подспорьем для размышлений о роли рассказывания историй в обществе, опасностях исчезновения рассказчиков и о том, как рассказ формирует наше отношение к истине, как общественной, так и частной. Storytelling, пола-

гает Беньямин, есть единица общности, общего опыта. Пруст, как и Лесков, рассказчик, транслятор опыта, в его конкретном случае – опыта припоминания.

Переходя от индивидуальной памяти (М. Пруст) к коллективной традиции (Н. Лесков), Беньямин берет за основу для сравнения не пряжу Пенелопы, но уже способ производства, связанный с характерным для него каналом передачи информации. К рассмотрению повествования как залога совместной жизни подтолкнула угроза Второй мировой войны и связанные с ней технологические потрясения. Люди больше *не ткуют и не прядут*, слушая истории. Только в такой «сети» дар рассказчика прагматичен – происходит трансляция опыта и советов. Воспоминание служит началом цепи традиции, которая передает разрозненные события от поколения к поколению. Для рассказчика, занятого повествованием, нет деления на священную и естественную историю. Поэтому «невозможно различить, является ли *тканевая основа*, в которую они (рассказы) вплетаются, золотой основой религиозного воззрения на ход вещей или пестрядиной основой мирского мировоззрения» (Беньямин, 2004: 401). Здесь уже мы встречаем не просто «ткань», но «тканевую основу» – традицию, опыт, чьи акции в начале XX века «упали в цене» (там же, 384). И эту сеть, сплетенную тысячи лет назад в окружении самых древних форм ремесла, ныне распускают со всех концов новейшие технические возможности.

Вновь к этой метафоре В. Беньямин обращается спустя два года при разработке взглядов Эдуарда Фукса на историю культуры. Последний провозгласил новый тип исторической науки, которая, по мнению философа, имеет своим предметом «не аккуратный клубок чистых фактических данных, а бесчисленное количество нитей, с помощью которых наследие прошлого вплетается в ткань современности» (Беньямин, 2018: 41). Название этого эссе «Эдуард Фукс: историк и коллекционер» уже содержит в себе основной тезис Беньями-

⁵ Чистой деятельностью (лат.)

на: азарт коллекционера и хаос воспоминаний, которые тот пытается обуздать, взаимообусловлены. Будучи марксистом, он сразу делает оговорку, что коллекционирование – это не потребительство, но припоминание посредством книг. Через них историк созерцает незримые дали и тем самым являет собой формат практической памяти, он – хранитель традиции. «...Сама прожитая человеком жизнь – материал, из которого делаются истории» (Беньямин, 2004: 398). Исходя из конкретной эпохи, эти истории, чей исток память, приобретают вариативные формы и передаются по различным каналам. Память, история, текст, традиция – все эти относящиеся к функционированию общества концепты взаимосвязаны. Отсюда и выбор единой для них всех метафоры ткани. Она помогает понять и развить мысли М. Пруста, Н. Лескова и Э. Фукса. Для той же комплексной социально-политической проблематики заимствует и модифицирует ее Арендт.

Х. Арендт ссылается на эти работы в биографическом портрете В. Беньямина, и очерк свидетельствует о мыслительной конвергенции авторов, ведь Арендт пишет о том, что ей интеллектуально импонирует, что близко ей в его опыте: положение еврея в Германии и его отношение с соплеменниками, понимание истории, место метафоры в исследованиях и другие темы.

В работе «Vita activa, или О деятельной жизни» (1958) Х. Арендт намеревалась представить Действие как высшую человеческую способность в рамках практической жизни, а также ценность слова и поступка (составные Действия) в их *humanitas* – явлении себя как человека перед другими людьми. Человек как актер создает то, что позже Х. Арендт обозначила как «ткань общечеловеческих связей». Связи, объединяющие говорящих и действующих людей, делятся на два типа. Первые – «объективные», те, что формируют межчеловеческое пространство, в котором люди преследуют свои «объективно-мирские интересы», то, чему были посвящены

предшествующие главы, анализирующие труд и созидание. В той же части книги, где на первый план выходит последнее и важнейшее явление практической жизни – Действие, связи формируют область *между* «людьми как людьми» или «ткань межчеловеческого взаимодействия» (Арендт, 2017: 326). Хотя они и не так очевидны, как экономически опосредованные, но представляют куда большую ценность. Незримость этих связей и их физическая неуловимость обуславливают использование Арендт метафоры ткани. Слово и поступок, живое непосредственное общение образуют систему связей по неслучайной аналогии с рассказчиком Беньямина, который использует память и эпический дар в качестве основы сети повествования, «которую в конце концов образуют все истории, переплетаясь друг с другом» (Беньямин, 2019: 403).

«Vita Activa, или о деятельной жизни» – первая работа Х. Арендт, в которой она использует метафору «ткани» для конституирования пространства бытия-друг-с-другом. Выбор конкретно этого «переноса» применительно к миру людей является очевидным *révérence* мысли В. Беньямина. Некогда сформированная, эта действительность (ткань) предшествует любому поступку и слову. Продевая нить своей деятельной жизни сквозь уже предоставленную ткацкую основу, человек являет себя и оставляет по себе историю. В случае обоих (В. Беньямина и Х. Арендт) опыт / действие, как суть человеческого, образуют направляющие нити, через которые со временем проходят новые, создавая публичное, совместное бытие, или традицию. Истории из жизни тех, кто, назвав себя, явился миру, потенциально готовы к рассказу, который есть окончательный результат сплетения нитей в отчетливо узнаваемый узор. Истории – такой же подлиннейший результат действия, как вещи и предметы, продукты труда и созидания. Определенная память поколений может пересказываться бесчисленное количество раз, вступив «на неопределенный, всегда

щедрый на приключения путь сквозь историю» (Арендт, 2017: 85). Слово «история» для описания человечества или какого-либо сообщества используется Х. Арендт в метафорическом смысле, т.к. эта история не знает ни начала ни конца, и тем самым представляет собой лишь рамку для перманентно изменяющего свой рисунок гобелена. Таков был ход рассуждений и В. Беньямина.

Позже, в речи по случаю присуждения ей Премии Лессинга (1960), Арендт приводит слова немецкого поэта, содержащие знакомую аллегория публичного пространства: «Она [истина] принадлежит сфере, где есть много голосов и где провозглашение того, что каждому мнится истиной, и связывает, и разъединяет людей, как раз и устанавливает те дистанции между людьми, которые в совокупности составляют мир» (Арендт, 2003: 43). Размышления Лессинга, касающиеся политической жизни, в XX веке дополняет Ясперс, уделивший внимание схожим процессам, но применительно к академическому сообществу. Арендт подчеркивает, что теория коммуникации ее учителя отнимает у великих философских систем прошлого их догматические метафизические претензии, как бы распускает их в ряды размышлений, которые встречаются и пересекаются, общаются друг с другом и в конце концов сохраняют лишь то, что универсально сообщимо. Именно такая философия человечества, как представляется Х. Арендт, способна явить «политику как одну из великих сфер человеческой жизни» (Арендт, 2003: 79).

Уже при чтении «Происхождения немецкой барочной драмы» Х. Арендт обращает внимание на мысль В. Беньямина о том, что «процесс движения во времени замыкается в пространственном отображении и подвергается аналитическому разложению» (Benjamin, 1928: 84). Эта мысль относилась к немецкому театру, а насколько мы знаем из рассуждений самой Х. Арендт, высшее воплощение написанных историй – это их реализация посред-

ством искусства драмы. «Аналитическое разложение» Беньямина соответствует стадии «эликсира» в storytelling'e Х. Арендт: «В жизни может содержаться эссенция; воспоминание, повторение в воображении может эту эссенцию расшифровать и подарить тебе “эликсир”» (Арендт 2003: 190). Иначе говоря, примирить человека с жизненными ситуациями.

Рассказчик В. Беньямина и творец историй Х. Арендт являются гарантами передачи традиции, связности истории как процесса. Общий горизонт взглядов Х. Арендт и В. Беньямина на историю как рассказ различается специфичным исполнением. В. Беньямин считает, что аллегорическая / метафорическая физиономия природо-истории, представленная на подмостках драмой, оборачивается процессом не вечной жизни, а скорее неудержимого распада, действительно переживается как крушение (см. Benjamin, 1928: 176). Мотивы упадка, руин, катастрофы, обнаруженные им в немецком искусстве XVIII века, стали неотъемлемыми фрагментами мысли философа, которые мы встречаем в целом ряде его работ, включая и последнюю «О понимании истории». Укоренившуюся метафору «ткани» Х. Арендт экстраполирует и на В. Беньямина, чья жизнь «сплетает для него сеть заслуженных наград и неудач» (Арендт, 2014: 83). Ведь он жил как раз в то время, на которое его ангел истории уже озирается. Всю свою жизнь В. Беньямин был окружен кучками осколков, собиравшихся в общую массу разрушений, которые его Angelus Novus хотел бы, задержавшись, вновь соединить, восстановить. Лишь после упадка ход истории «съезживается и превращается в сценическую площадку» (Benjamin, 1928: 178). Держа в уме гегелевскую сову Минервы с ее сумеречным полетом, В. Беньямин видит историю лишь как свершившийся факт, «после-жизнь» пульс которой продолжает биться в настоящем.

К 1970 году Х. Арендт проводит ревизию собственных взглядов на способность суждения и связанную с ней способ-

ность рассказывать истории. В итоге она уходит от мысли Канта с ее репрезентативным и экстраполированным мышлением участников политического действия к «зрительному восприятию и ретроспективному суждению историков и рассказчиков» (Арендт, 2013: 151). Для Арендт рассказывание историй – это процесс «излечения», так как прошлое преодолеть или упразднить нельзя, возможно лишь примирится с ним. Несмотря на то, что Х. Арендт и В. Беньямин были современниками, Беньямин успел застать начало разрыва традиции (1910-е), Арендт же лицезрела уже имеющуюся брешь (1945 г.). Эта разница обусловила и их взгляды на storytelling: Беньямин видит руины на месте традиции, транслировать больше нечего – ткань разошлась. Арендт с присущей ей верой в натальность рассматривает рассказывание историй как дар примирения с произошедшими ужасными событиями, а после – способ соткать заново общее публичное пространство человеческого бытия.

Рассказывание историй – общее для обоих авторов поле исследования – стало «испытательным полигоном» использования метафоры в качестве одного из инструментов конструирования их социально-исторических идей. Взглядом на метафору как детерминанту языка, с помощью которой мышление опосредует невидимое через видимое, Х. Арендт отчасти обязана В. Беньямину. Концептуальная метафорическая речь действительно соответствует деятельности мышления, операциям ума, хотя было бы весьма наивно утверждать, что влияние В. Беньямина на Х. Арендт в этом вопросе было единоличным. И. Берлин отмечал, что в попытке схватить сущность истории метафорами «пользовались все образованные люди, по крайней мере, с XIX в.» (Берлин, 2014: 75). Две из трех рассмотренных статей были написаны Беньямином в период эмиграции, когда Арендт была его главной собеседницей в вопросах, касавшихся в том числе исторического процесса. Она стала свидетельницей не только постановки проблемы (руи-

низированность истории, разрыв традиции), но и получила от Беньямина инструмент – метафору «ткани», которая сделала возможным выразить суть политической общности. И для Беньямина, и для Арендт History – это прежде всего совокупность story. С помощью свойственной им обоим устойчивой метафоры ткани философы стремились показать рукотворность истории, ценность составляющих ее частных, на первый взгляд не значительных, рассказов, создающих естественный узор публичного пространства. Работы и того, и другого автора оказали влияние на современную популярную концепцию нарративной истории, основывающейся на повествовательной ценности временного опыта.

Выбор метафоры ткани обусловлен общим для обоих философов историческим временем. Беньямин начал использовать ее, когда стал замечать приходившееся на годы после окончания Первой мировой войны нарастание социальной атомизации, тотальное онемение, иссушение способности обмена опытом и др. Тем самым он указывал на развитие паталогических процессов в общественном теле. В отличие от него, работа Арендт заключалась в использовании данной метафоры уже для послевоенного реанимирования этого тела и поддержания его здоровья в дальнейшем.

Литература

Анкерсмит, Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Колomoец, В. Катаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.

Бенн, С. Одежды Клио / пер. с англ. М. Кукарцевой. М.: «Канон+» РОИИ «Реабилитация», 2011. 304 с.

Арендт, Х. Жизнь ума / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Наука, 2013. 517 с.

Арендт, Х. Лекции по политической философии И. Канта / пер. с англ. А. Глухова. СПб.: Наука, 2012. 303 с.

Арендт, Х. Люди в темные времена / пер. с англ. Г. Дашевского. М.: Моск. школа полит. исследований, 2003. 311 с.

Арендт, Х. *Vita Activa*, или О деятельной жизни / пер. с англ. и нем. В.В. Библихина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 416 с.

Беньямин, В. Маски времени. Эссе о культуре и литературе / пер. с нем. и франц. А. Белобратова. СПб.: «Симпозиум», 2004. 480 с.

Беньямин, В. О коллекционерах и коллекционировании / пер. с нем. С. Ромашко, Н. Бакши. М.: ЦЭМ, V-A-C press, 2018 104 с.

Беньямин, В. Судьба и характер: эссе / пер. с нем. Н. Бакши, А. Глазовой, С. Ромашко. СПб.: Азбука, 2019. 448 с.

Бейнер, Р. Ханна Арендт о суждении // Ханна Арендт. Лекции по политической философии И. Канта / пер. с англ. А. Глухова. СПб.: Наука, 2012. С. 147–236.

Берлин, И. Философия свободы. Европа / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение. 2014. 448 с.

Кант, И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения. В 8-ми т. / под общ. ред. проф. А.В. Гулыги. Т. 5 [Критика способности суждения]. М.: ЧОРО, 1994. 414 с.

Уайт, Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ. Г. Трубиной и В.В. Харитоновой. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 528 с.

Arendt, H. *Walter Benjamin (1892-1940)* // Arendt, H. *Illuminations: Essays and Reflections*. New York: Schocken Books, 1968. Pp. 1-59.

Benjamin, W. *Ursprung des Deutschen Trauerspiels*, Berlin: E. Rowohlt, 1928.

Beiner, R. Benjamin's Concept of History as a Source of Arendt's Idea of Judgment. Part 1. [Online] Available at: crt.org/religioustheory/2016/08/08/benjamins-concept-of-history-as-a-source-of-arendts-idea-of-judgment-ronald-beiner/ (Accessed: 19 July 2021)

Hannah Arendt, Heinrich Blücher, *Briefe, 1936–1968*. Ed. Lotte Kohler. Munchen, Zurich: Piper, 1996. 596 S.

Hannah Arendt: critical essays by Hinchman, Lewis P; Hinchman, Sandra. State University of New York Press, 1994. 400 pp.

Herzog, A. Illuminating inheritance: Benjamin's influence on Arendt's political storytelling // *Philosophy & Social Criticism*. 2000. Vol. 26. No. 5. Pp. 1–27.

Honahan, I. Arendt and Benjamin on the Promises of History: A Network of Possibilities or One Apocalyptic Moment? // *Clio*. 1990. Vol. 19. No. 4. Pp. 311-30.

D'Entrèves, M. P. *The political philosophy of Hannah Arendt*. Routledge. London and New York, 1994. 217 pp.

Kieslich, I. *Walter Benjamin, Hannah Arendt: storytelling in and as theoretical writing*. Ph.D. dissertation, Nashville, Tennessee. 2013. 379 pp.

The Correspondence of Walter Benjamin and Gershom Scholem 1932-1940. Ed. by Gershom Scholem. Translated from German by G. Smith and A. Lefevere. New York: Schocken books, 1989. 326 pp.

The Correspondence of Walter Benjamin, 1910-1940. Edited and annotated by Gershom Scholem and Theodor W. Adorno. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 686 pp.

The Correspondence of Hannah Arendt and Gershom Scholem. Ed. by Marie Luise Knott. Transl. by A. David. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2017. 336 pp.

References

Ankersmit, F. R. (2003), *Istorjya i tropologiya: vzlet i padenie metafory* [History and tropology. The rise and fall of metaphor], transl. by M. Kukartseva, E. Kolomoets, V. Kataeva. Progress-Traditsya, Moscow, Russia (in Russ.).

Arendt, H. (2012), *Lektsii po politicheskoi filosofii I. Kanta* [Lectures on Kant's political philosophy], transl. by A. Glukhova, Nauka, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Arendt, H. (2003), *Lyudi v temnie vremena* [Men in Dark Times], transl. by G. Dashevsky, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, Moscow (in Russ.).

Arendt, H. (2000), *Vita Activa, ili O deyatel'noi zhizni* [The human Condition], transl. by V.V. Bibikhin, Aleteiya, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Arendt, H. (1968), "Walter Benjamin (1892-1940)", *Illuminations: Essays and Reflections*, Schocken Books, New York, 1-59.

Arendt, H. (2013), *Zhizn' uma* [The Life of Mind], transl. by A.V. Govorunova, Nauka, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Benn, S. (2011), *Odezhdy Klio* [Clio's clothes], transl. by M. Kukarceva. Kanon+» ROI, Moscow, Russia (in Russ.).

Beiner, R. (2016) Benjamin's Concept of History as a Source of Arendt's Idea of Judgment. Part 1. [Online] Available at: crt.org/religioustheory/2016/08/08/benjamins-concept-of-history-as-a-source-of-arendts-idea-of-judgment-ronald-beiner/ (Accessed: 19 July 2021)

Beiner, R. (2012) "Hannah Arendt about the thinking", *Hanna Arendt. Lektsii po politicheskoi filosofii I. Kanta* [Lectures on Kant's political philosophy] transl. by A. Gluhov. Nauka, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Benjamin, W. (2018), *O kollektionerakh i kollektionirovanii* [About collectors and collecting], transl. by S. Romashko & N. Bakshi. CEM, V-A-C press, Moscow, Russia (in Russ.).

Benjamin, W. (2004), *Maski vremeni. Esse o kul'ture i literature* [Time masks. Essays on Culture and Literature], transl. by A. Belobratova, «Simpozium», St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Benjamin, W. (2019), *Sud'ba i harakter: esse* [Fate and Character: essays], transl. by N. Bakshi, A. Glazovoj & S. Romashko, Azbuka, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Benjamin, W. (1928), *Ursprung des Deutschen Trauerspiels*, E. Rowohlt, Berlin (in Germ.).

Berlin, I. (2014), *Filosofiya svobody. Evropa* [Philosophy of Freedom. Europe], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Herzog, A. (2000), "Illuminating inheritance: Benjamin's influence on Arendt's political storytelling", *Philosophy & Social Criticism*, 26 (5), 1–27.

Hinchman, L. P. and Hinchman, S. (ed.) (1994), *Hannah Arendt: critical essays*, State University of New York Press, NY, USA.

Honahan, I. (1990), "Arendt and Benjamin on the Promises of History: A Network of Possibilities or One Apocalyptic Moment?", *Clio*, 19 (4), 311-30.

D'Entrèves, M. P. (1994), *The political philosophy of Hannah Arendt*. Routledge. London and New York.

Kant, I. (1994), *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Criticism of judgment] in: Kant I. Sochineniya: 8 vols. [Works], v. 5, CHORO, Moscow (In Russ.).

Kieslich, I. (2013), "Walter Benjamin, Hannah Arendt: storytelling in and as theoretical writing", Abstract of Ph.D. dissertation, Nashville, Tennessee, USA.

Knott, M. L. (ed.) (2017), *The Correspondence of Hannah Arendt and Gershom Scholem*. Transl. by Anthony David. The University of Chicago Press, Chicago and London, USA & UK.

Kohler, L. (ed.) (1996), *Hannah Arendt, Heinrich Blücher, Briefe, 1936–1968*, Piper, Munchen, Zurich, Germany (in Germ.).

Scholem, G. (ed.) (1989), *The Correspondence of Walter Benjamin and Gershom Scholem 1932-1940*, translated from German by G. Smith and A. Lefevere, Schocken books: New York, USA.

Scholem, G. and Adorno, Th. W. (ed.) (1994), *The Correspondence of Walter Benjamin, 1910-1940*, University of Chicago Press, Chicago, USA.

White, H. (2002), *Metaistorija: istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory], transl. by G. Trubina & V. V. Haritonova, Ural University Publishing House, Ekaterinburg, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Кучерова Анна Олеговна, аспирант Института общественных наук и массовых коммуникаций. Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85. г. Белгород, 308015, Российская Федерация; kucherovaa94@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Anna O. Kucherova, PhD Student, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; kucherovaa94@gmail.com